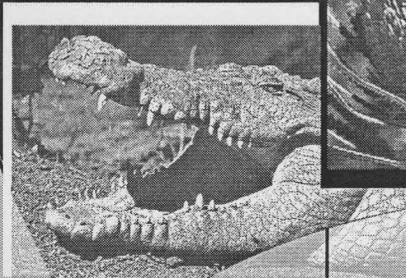
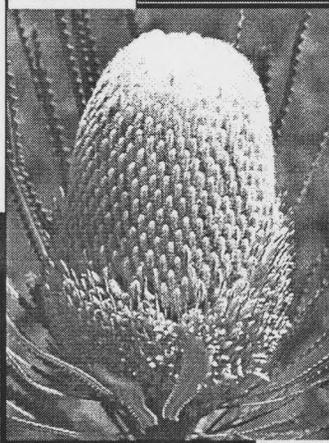
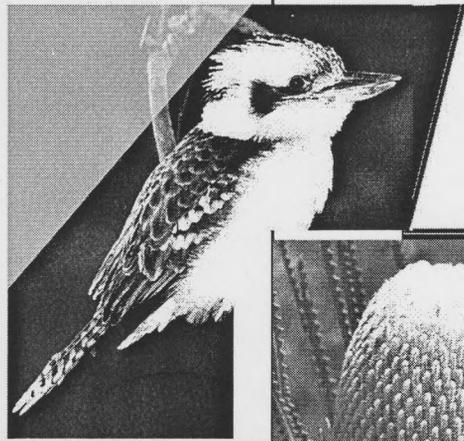

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

10

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Русские в Австралии

Мы продолжаем публикацию русского варианта книги Елены Говор, историка и писателя из Канберры, в авторском переводе. Начало – в «АМ» №9.

Английский вариант книги (Elena Govor, *My Dark Brother: the Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family*, Sydney: UNSW Press, 2000) вызвал большой интерес читателей и был одной из шести книг, номинированных на премию в области австралийской биографии (short-listed for the National Biography Award) в 2002 году.

В 2003-2005 гг. на основе книги был снят австралийский документальный фильм «Пионеры любви», демонстрировавшийся с большим успехом на канале SBS в октябре-ноябре 2005 года. В инсценировках героев играли их потомки, члены семьи русских аборигенов. Фильм вызвал новый всплеск интереса к истории Ильиных. Любопытно, что одна из рецензий на фильм вышла под заголовком «Австралийская версия “Доктора Живаго”». Участники интернетного форума на сайте SBS высказывали предложения о том, что этот фильм должны посмотреть все австралийцы и, по крайней мере, он должен быть включен в программу австралийских школ. Кейт Рейнор, действительно, подготовила пособие для изучения фильма старшеклассниками.

Съемочная группа российского Первого канала также сняла сюжет об Ильиных, который показан в России и по Первому каналу русского телевидения в Австралии.

В Интернете создан вебсайт, посвященный книге и фильму, где представлены отрывки из глав, фотографии, рецензии, веб-форум на канале SBS, а также указано, как можно заказать копию фильма и книги на английском языке (см. ссылку на сайте <http://elenagovor.narod.ru>)

Елена ГОВОР

Мой темнокожий брат:

История Ильиных, русско-аборигенской семьи

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Герой и героиня

Туркестанский послужной список Николая Ильина почти ничего не говорит ни о герое, ни об антигерое.

1876, 30 мая – определен на службу по военно-народному управлению в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора в чине коллежского регистратора (самый низший чин Табели о рангах – Е.Г.).

1876, 31 октября – назначен в состав комиссии для составления отчета о состоянии Ташкентской публичной библиотеки.

1876 ноябрь 11 – командирован для занятий по Ферганскому областному правлению.

1877, 2 июня – назначен участковым чиновником по поземельному устройству Ферганской области.

1879, 4 января – назначен судебным следователем Маргелланского уезда.

1879, 28 октября – произведен в губернские секретари со старшинством.

1880, 15 декабря – отставлен от должности следователя в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора.

1881, 31 января – Сыр-Дарьинским областным правлением назначен делопроизводителем.

1881, 19 июня – командирован к временному исполнению должности судебного следователя г. Ташкента.

1881 – откомандирован обратно к должности делопроизводителя Сыр-Дарьинского областного правления.

1882, 8 сентября – подал в Ташкенте прошение об увольнении от службы «вследствие расстроенного моего здоровья». Вышел в отставку в чине губернского секретаря.

За сухими строками официальных назначений и перемещений остались шесть бурных лет службы Николая в Туркестане, за которыми последовали еще несколько лет, проведенных в Ташкенте. В своей автобиографии он очень критично писал о туркестанском периоде: «Там я окончательно загубил десять лучших молодых лет жизни, почти ничего не читая и

без обмена живой мыслью. Если во мне и был какой-либо задаток литературного дарования, то за это время он неминуемо должен был сгнуться». О том же он писал и в своих стихах:

Юность нелепая все загубила –
Все, что в зародыше с детства носил.

Годы спустя, затерянный в горах Патагонии, оглядываясь на прожитые годы, он обратится к народу в своем «Покаянии»:

Отпусти, что с ватагой чиновной
Жрал усердно народный доход,
Сознавая, что жертвой бескровной
В вакханальи той страждет народ.¹

Но действительно ли туркестанский период жизни Ильина прошел впустую, под знаком антигероя? Напротив, эти годы стали периодом возмужания героя, и реального, и литературного. Из юного, наивного и часто попадающего впросак наблюдателя жизни он превратился в борца за правду и справедливость. Несмотря на то, что в Туркестане он опять потерпел поражение, он покинул его мужчиной, и там же он приобрел самое главное достояние своей жизни – жену, которая станет его верным спутником до конца дней и матерью его детей. Эти годы жизни на экзотической колониальной окраине России, кроме того, дали ему богатый материал для его главного романа «В новом краю», повестей и поэмы «Восточная легенда» (ее рукопись сохранит его внучка-аборигенка Флора).

Чтобы лучше понять этого нового героя, посмотрим на Туркестанский край, каким он показан на страницах романа-хроники «В новом краю». Картина, нарисованная им, удручающая. Русские «цивилизаторы» наводнили эту землю с одной целью – нажиться и за государственный счет, и за счет местного населения. «Зло здесь является почти нормальным порядком, которого никто не стыдится», говорит герой романа. После жестокого подавления сопротивления местного населения силой оружия, цивилизаторы разложили его и морально, вовлекая в свои темные махинации. Юридическая система была так же коррумпирована, как и административная. Обо всем этом писали и современники Ильина, но он в своем романе пошел дальше, разоблачая еще один аспект местной жизни, о котором редко говорили открыто. Поскольку большинство чиновников и офицеров жили там без семей, дух разврата, казалось, завладел всей русской колонией. Автор проводит перед читателем чудовищную галерею местных типов. Начальница женского училища, поставляющая девочек-подростков местным развратникам. Один из ее клиентов, – инженер, изнасиловавший шестнадцатилетнюю девочку, которого ни общественное мнение, ни судебная система не осуждают. Вдовец, сожительствующий со своими юными дочерьми. Чиновники, приобретающие у местного населения мальчиков и девочек для сексуальных усад... Развратники Достоевского бледнеют на фоне нравственных уродов, выведенных в романе Ильина. Два единственных положительных персонажа, которые пытаются обличить существующее беззаконие перед генерал-губернатором, кончают печально – один вынужден отступить, а второго убивают. Что же до самого генерал-губернатора, прототипом которого был К.П. Кауфман, – несмотря на его заявление «Мои двери всегда открыты для обиженных», у него нет реальной власти противостоять злу и он инстинктивно прячется от него.²

По мере того, как в романе нагнетается тяжелая атмосфера тотального зла, нарастает и ожидание героя, который сможет ему противостоять. И в середине романа герой, наконец-то, появляется. Это Алексей Силин, который кажется двойником самого Николая Ильина. Роман – одна из лучших работ писателя – в значительной мере автобиографичен. Годы спустя Ильин напишет: «Роман этот я писал по заказу редактора [“Недели”] фельетонным, так сказать, образом, подгоняемый нуждой в заработке, т.е. изготовляя к каждой месячной книжке 4-5 [печатных] листов, причем работал без всякого, даже конспективного плана; факты же и события излагал единственно на память».³ Но это не просто описание событий его молодости, как это часто бывает у начинающих авторов. Он, как кажется, намеренно дает всем персонажам имена, за которыми легко угадываются подлинные имена их прототипов. Это своего рода попытка публично покаяться в грехах прошлого, и, что особенно необычно, при этом он не щадит ни себя, ни своей жены, порой, возможно, даже приписывая им то, что едва ли имело место в действительности, а происходило, скорей всего, только в его разгоряченной фантазии.

Итак, герой, Алексей Силин, молодой человек лет двадцати пяти, одетый в белый китель и черные брюки, заправленные в высокие охотничьи сапоги, входит на страницы романа. Позади у него путешествие по Волге, поездка на поезде до Оренбурга, а затем более двух тысяч верст на перекладных по среднеазиатским степям до Ташкента. Перед ним – Восток, новый мир, который ему предстоит покорить.

Вскоре мы узнаем, что этот застенчивый молодой человек с «тихим голосом и ... некрасивыми голубыми глазами», отнюдь не герой в прямом смысле слова – его решительность при нападении банды киргиз уступает место страху, который его охватывает на охоте на тигра в зарослях у Сыр-Дарьи. Он, с его наивной верой в то, что черное – это черное, а белое – это белое, слишком слаб, чтобы переделать мир, в который бросила его судьба. Постепенно он применяется к местному образу жизни. Он учится без стыда получать жалование за ничегонеделание, учится

играть в карты, в которые он теперь может просадить месячное жалование. Он привыкает к царящей вокруг продажности и разврату.⁴

Но есть нечто, что все-таки позволяет Силину противостоять вовлечению в коррумпированный мир русского военно-чиновного общества: это местное среднеазиатское население, жизнь и язык которого он начинает изучать. В районе Ташкента и Ферганской долины жили земледельцы, потомки иранских и монгольских племен, которых в то время называли сартами, а теперь узбеками. Силин видит их отнюдь не через розовые очки. Пред ним было общество со всеми пороками, присущими восточному феодализму. Правящая элита, подобно русским колонизаторам, не гнушалась грабить свой собственный народ. Их судопроизводство, отправляемое по закону шариата, показалось Силину пародией на правосудие. Бедняки были заражены духом угодничества – пороком, который особенно отталкивал Силина, и, если обстоятельства благоприятствовали, с легкостью предавали своих земляков (таков, например, Омарка, который превращается из раба в могущественного, беспринципного господина). Но Ильин/Силин видит не только это. Его духовное возрождение происходит, когда, пытаясь освободиться от затягивающей его в свой омут жизни русской колонии в Коканде, он просит назначения на самый отдаленный русский пост, в кишлак Араван (в романе – Равазан), на склоне Тянь-Шаня.

Годы спустя, исповедуясь в своей «нежной любви» к Туркестану и его народу, Ильин напишет:

А оттого, что тот народ сердечный
Своим смирением мне душу шевелил,
Что честностью и лаской бесконечной
Меня честнее мыслить научил.

Что в красоте природы Туркестана
Духовный он источник находил
И мудрый стих священного Корана
От порчи пагубной народ тот сохранил.⁵

Силин/Ильин стал выполнять свои обязанности по совести и всерьез занялся вопросами землепользования и налоговой реформы, которые были ему поручены. В автобиографии он писал: «Там, в кишлаке Араван, между охотой и карточной игрой я основательно изучил экономический быт туземного населения и представил Военному губернатору области – генералу [А.К.] Абрамову – проект податной реформы». Реформа не только увеличила доход в государственную казну, но и облегчила положение бедняков, а также позволила вовлечь местное население в налоговую оценку земель. После успешного испытания в двух волостях реформа была применена по всему Туркестанскому краю, но наш герой не получил должного признания. Напротив, не обладая искусством угодничества и компромисса, он был выжит из «системы» другими чиновниками, которые заклеили его «высочкой». Он не мог поступиться своими принципами и разделить философию своего сослуживца Степанова, состоящую в том, что надо соглашаться на компромисс в менее важных вопросах, чтобы приобрести силу и отстоять свои позиции в более серьезных.⁶ Силин/Ильин не принял урока жизни, состоящего в том, что мир нельзя видеть лишь в черно-белых красках. Подчас ему казалось, что в этом мире совсем не осталось белой краски. Это был мир компромисса, желто-коричневый мир, под стать окружающим степи и горам, зыбкий и вероломный.

Герою пришлось оставить свою должность, где он приобрел уже опыт и добился успеха, и взять на себя совершенно новую роль судебного следователя, но и на этом посту он долго не удержался. Борясь за справедливость, Силин превысил служебные полномочия и однажды, пытаясь захватить без помощи полиции матерого местного преступника с поличным, застрелил его. Могущественные сторонники преступника, пробравшиеся в русскую администрацию, добились отставки и наказания Силина.

Вполне вероятно, что нечто подобное произошло в жизни самого Николая Ильина. Смутное семейное предание, которое помнит Сэм Маккай, праправнук Николая, возможно, относится к этому эпизоду. «Вероятно, Николай работал в полиции в Петербурге. Один раз, когда он был на службе, им надо было взять преступника, который сопротивлялся аресту и был вооружен. И Николай, который оказался с преступником лицом к лицу, спасая свою собственную жизнь, должен был использовать оружие и убить его. После этого Николаю пришлось прятаться, поскольку семья преступника была очень состоятельной и влиятельной».⁷

С романом тут не совпадает лишь место действия; впрочем, последующая жизнь Николая в Петербурге тоже будет полна тайн, а сходная история могла произойти и там...

В любом случае роман дает ключ к объяснению странных служебных перемещений Ильина, которыми наполнен его послужной список, приведенный в начале главы. После увольнения Силин перебрался в Ташкент и работал частным адвокатом. Это был уже не слабовольный застенчивый молодой человек, он стал борцом за справедливость и, как и сам Николай Ильин, через несколько лет вынужден будет бежать из Ташкента из-за нового конфликта с местными властями.

Но прежде, чем мы обратимся к последнему эпизоду романа, познакомимся с еще одной историей. Ни жизнь Николая, ни роман не будут полными без героини. И она появляется – настоящая Александра Константиновна Карлова и героиня романа, почти что ее тезка – Александра Константиновна Карлова. Обе они молоды, обеих зовут уменьшительным именем Саша. О реальной Саше известно очень мало. Личность этой женщины, которую потомки, аборигены и гондурасцы, помнят только как старенькую, любящую «Бабу», кажется не менее загадочной, чем личность самого Николая. На протяжении сорока пяти лет она будет делить с ним сначала туркестанскую мазанку, потом роскошную квартиру в Петербурге, пастушью хижину в Патагонии, домик в австралийских джунглях, каюту на корабле и ложе на охапке травы у костра – с континента на континент, из страны в страну, рожая, растя и теряя детей, и снова растя и теряя внуков, в бедах и радостях, без слова упрека, до самой его смерти в городке Сан Педро Сула, в горах Гондураса.

Гленда Иллин, ее правнучка-аборигенка, сохранила семейную реликвию – серебряную ложку с тремя выгравированными русскими буквами К.И.К., инициалами Константина Ивановича Карлова, отца Александры. Согласно гондурасским потомкам Александры, он родился в Хельсинки и служил командиром гарнизона в Иркутске, а затем в Ташкенте. Мать Александры, Наталия, тоже была из Иркутска, а ее мать, по семейным преданиям, была татаркой или монголкой.⁸ Саша родилась около 1860 г. в Иркутске и, согласно семье, вышла замуж за Николая в 1877 г., когда ей было всего шестнадцать лет. О ее жизни в Туркестане известно лишь, что ее дочь Мария родилась приблизительно в 1879 г., а ее первый сын Леандр в 1882 г. в Ташкенте.

Жизнь Саши Карповой, героини романа, напротив, выписана очень подробно, с большой психологической глубиной. Первый раз мы встречаем ее, 13-летнюю девочку, на пыльных улицах Ташкента в 1875 г.: она ученица уже упомянутой школы, директриса которой передает ее местному развратнику, инженеру Мотарову. Расставив западню, Мотаров является перед Сашей добрым спасителем, очаровывает ее, а затем, приручив, насилует. Саша не надеется на помощь своей семьи. «Мать, женщина простая, сварливого характера, далеко не отличалась нежностью чувств, никто из ее детей не видел от нее ласки», а отец ее – Константин Иванович Карпов – мелкий чиновник в комиссариате, «был строг и не всегда справедлив, но он ее очень любил и если обижал, то только под пьяную руку». Боясь их гнева, Саша все более и более запутывается, полностью покоряясь воле Мотарова. Когда ее падение, наконец, обнаруживается, родители секут ее и запирают в комнате на долгие месяцы.

Если бы история Саши этим окончилась, то она не выбивалась бы далеко за принятые в то время литературные нормы, несчастной героине было бы отдано сочувствие читателей, но Ильин идет дальше. С психологическим мастерством он описывает, как, в заточении, ожидая суда над своим насильником, отношение Саши к нему меняется, и на смену ненависти и отвращения приходит сочувствие и любовь. Но во время очной ставки на следствии она наконец-то прозревает и видит его подлинное лицо. В отчаянии, и не в состоянии более выносить домашнее заточение и презрение родителей, она бежит из дома и покидает Ташкент со случайным знакомым, Михаилом Воскресенским, мелким чиновником. Они направляются в только что присоединенный к Туркестану Коканд. Саша надеется начать там новую, самостоятельную жизнь, но вместо этого попадает в полную зависимость от своего распущенного попутчика.

Силин встречает ее осенью 1876 г. на постоялом дворе на дороге в Коканд, где они оба ждут перекладных лошадей. В то время как Воскресенский разглагольствует в соседней комнате, забыв о своей спутнице, Силин предлагает ей чай из своего самовара и делит свою еду с голодной Сашей. Эта застенчивая девушка-смуглянка захватывает его воображение с первого взгляда. «Девушку далеко нельзя было назвать красавицей, но лицо ее, обрамленное несколько вьющимися и выбивающимися из-под платка прядями волос, было симпатично и дышало цветущим здоровьем; в выразительных глазах ее светился ум и кротость». В Коканде Силин возобновил знакомство с Сашей, он единственный, кто относится к ней с сочувствием и уважением, в то время как все остальное европейское общество от нее, содержанки Воскресенского, отвернулось. Хотя она и чувствует отвращение к своему вечно пьяному и нищему «любовнику», ей, еще по существу девочке, некуда деться. И только интерес к жизни местного туземного населения помогает ей выжить. Постепенно она преодолевает недоверие своих соседок-мусульманок, и они позволяют ей войти в их закрытый для европейцев мирок. Она изучает их обычаи и язык и вскоре, помогая им своими знаниями и лекарствами, приобретает среди них славу «женщины-доктора».

Чувство взаимной симпатии между Сашей и Алексеем Силиным растет, но он все не решается сказать ей о своей любви и предложить ей свою руку. А когда он наконец открывается ей – будучи предан Воскресенским на охоте на тигра и едва не погибнув, – время упущено: Саша ждет ребенка, и благородство не позволяет ей обременить этого наивного молодого человека чужим ребенком и своей не сложившейся жизнью... Они встречаются три года спустя, много перестрадав в одиночестве. Встреча происходит в ту самую ночь, когда Саша с маленькой дочерью бежит, наконец, от Воскресенского и попадает в руки бандитов. Силин, освобождая ее, убивает их главаря, из-за чего вскоре будет отстранен от службы.

Следующая встреча с нашими героями происходит еще три года спустя. В счастливой семье Силиных двое детей, дочь и сын, двойники реальных Марии и Леандра. Силин, отстраненный от

должности судебного следователя, работает адвокатом. Они живут в окрестностях Ташкента, на даче, окруженной любовно возвращенным ими садом. Их друзья – узбеки и несколько честных русских. Но как изменились наши герои. Силин теперь ведет открытую борьбу против местных криминальных заправил и коррумпированных русских чиновников. Саша, которой друг советует «укротить своего беспокойного адвоката», без колебания отвечает: «Влиять... на него в том смысле, чтобы он хотя бы в самой ничтожной степени поступал вопреки своим убеждениям, я не буду; да это и невозможно при наших отношениях, так как если бы мне удалось убедить его изменить в этом направлении свой образ действий, то я сама перестала бы его уважать». И именно она передает властям документы, которые должны помочь разоблачить преступников.¹⁰

Вскоре Силина арестовывают, и хотя друзья добиваются его освобождения, он должен навсегда покинуть Ташкент. У романа символический, пророческий конец. Силин, поднявшись на вершину холма, одинокий и побежденный, бросает последний взгляд на город. Здесь видны крыши особняков нуворишей, там они празднуют свою победу на пикнике. Но Силин ищет свой «небольшой беленький домик с ведущей к нему аллеей айлянтусов», где остались Саша и дети. Он ищет его крышу и никак не может найти. Как будто их и не было в этом городе.¹¹ Если бы Николай мог предвидеть, сколько еще домов им придется вот так же покинуть – в Петербурге, в Патагонии, в Австралии, в Колумбии – в его вечной борьбе за справедливость, в его вечном бегстве от самого себя...

Образ Саши был во многом необычен для русской литературы. Судьба девушек, преданных своим возлюбленным или ставших наложницами помещика всегда была трагичной – достаточно вспомнить Настасью Филипповну из «Идиота» Достоевского. Сочувствие к падшей женщине, жертвующей собой для выживания своей семьи (Сонечка Мармеладова в «Преступлении и наказании» Достоевского), уже проникало на страницы литературы. Но никто не помышлял изобразить падшую женщину, обретшей счастливую семью, ведущей гармоничную жизнь в соответствии со своими убеждениями. Мы никогда не узнаем, пережила ли реальная Саша злоключения своей тезки из романа; они могли быть лишь порождением фантазий Николая Ильина. Вместе с тем, известные факты свидетельствуют, что в любом случае история отношений Николая Ильина и Саши была отнюдь не простой. Начать с того, что Карловы – семья государственного чиновника – не позволили бы своей 16-летней дочери сожительствовать с женатым человеком, а если это произошло, то для этого были веские причины. Ведь согласно послужному списку Николая, составленному в 1882 г., в это время он все еще был женат на своей первой жене, Вере Томич, из чего вытекает, что Николай и Саша жили в Туркестане без заключения официального брака. Кстати, судя по его поэзии, Николай был сторонником свободной любви, проповедуя, что только свобода делает любовь настоящей, а оковы брака лишь освящают лицемерие и насилие. Его героиня без колебаний провозглашает:

Поверь, мой друг, всегда достанет силы
Презреть толпу, назвавшись твоей...

И, более того, утверждает:

Покамест я ношу рабы оковы –
Рабами нам быть суждено вдвоем.¹²

Саша сама писала в 1890 г. о своей жизни Николаю Ге, как бы намекая на некие мрачные страницы: «Когда я расскажу Вам всю мою жизнь, хотя она неприглядна, то все-таки Вы увидите, что во мне есть задатки жить по-Божьему».

Воспоминания Нелли – внучки Николая и Саши – свидетельствуют, что мать Николая Евгения смотрела на свою юную невестку Сашу свысока:

«Когда мой дедушка работал в восточной части России судьей, моя бабушка была очень молодой и у нее уже была маленькая Маня. Она должна была ехать через всю Россию на восток, где служил дедушка, и с ней поехала ее свекровь. Они ехали на перекладных, и на одном постоялом дворе, где они остановились отдохнуть, моя бабушка так устала, что она уснула, держа ребенка на руках. А постоялый двор, где они остановились, содержали хозяин с женой, и хозяйка говорит моей прабабушке: «Почему вы не возьмете у нее ребенка, чтобы она могла отдохнуть, ведь она очень устала», а та в ответ: «А, да она всего-навсего крестьянка. Сама подержит». И тут хозяйка как бросится на нее, и давай ее душить. Хозяин с трудом оттащил ее.

Потом он рассказал им, в чем было дело. Его жена прежде была крепостной и нажила ребенка от помещичьего сына. Родители отослали его в город учиться, но когда через год он приехал домой, он сразу отправился к этой женщине, и она родила от него второго ребенка. На этот раз помещица так рассердилась, что она приказала, чтобы этих двоих детей бросили свиньям, и они их загрызли на глазах у матери. Крепостная крестьянка тронулась от горя, и тогда помещица выдала ее замуж, дала ей и ее мужу вольную и приказала им убраться подальше. Они так и сделали и теперь содержали этот постоялый двор. Но хозяйка не могла забыть, что случилось с ней, и осатанела, когда мать моего деда так отозвалась о моей бабушке».¹³

Что бы не думали о них окружающие, Николай и Саша нашли друг друга, и нашли друг в друге самое главное – любовь, поддержку и понимание. И теперь, после туркестанских испытаний, перед ними начиналась жизнь с новой страницы, жизнь в далеком холодном Петербурге.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Посеешь имя...

Разочаровавшись в комильфотной жизненной стезе – его первый брак и служебная карьера – Николай утвердился в намерении порвать с традициями и нормами своего класса. С таким умонастроением он и начал игру с именами своих детей, игру, которая дошла до нашего столетия, развиваясь по своим собственным законам.

Имя и фамилия Николая Ильина были самыми заурядными – Николаев Ильиных в России многие тысячи. Фамилия эта происходит от древнееврейского имени одного из библейских пророков, означающего «Яхве – мой бог». Оказавшись за границей, Николай избрал необычный способ транслитерации своей фамилии – с удвоенным «л» – Иллиин. Его австралийские потомки произносят ее с ударением на первом слоге – Иллиин, в таком виде она мало похожа на русскую фамилию. Они знали, что фамилия русская, но не ассоциировали ее с западноевропейским именем Elija. Не подозревали они и о широкой распространенности этой фамилии и думали, что советский спортсмен Ильин, приехавший в Австралию на Олимпийские игры в 1956 году, мог быть их родственником. Имя Николай за границей изменилось на Николас (Nicholas) и под этим именем он остался в памяти своих внуков и правнуков. Имя Николай не было случайным в семье Ильиных, хранивших, как писал Николай, «древний образок святого Николая Чудотворца, который предки мои носили на груди в Полтавской и Бородинской битвах. Дмитрий Сергеевич под Чесмой, а отец мой покойный (полковник Елизаветградского гусарского полка) в трех военных кампаниях: турецкой, польской и венгерской». Вероятно, Николай был назван по имени этого святого, день которого в святцах находится недалеко от дня рождения Николая.

Вполне возможно, что заурядность собственной фамилии натолкнула Николая на мысль дать детям необычные имена, причем эта необычность создавалась и редкостью, и красотой имени, и его значимостью, а это было несовместимо со святцами. Ребенок обычно нарекался именем того святого-покровителя, день которого выпадал на день его крещения. Николай и Александра, как кажется, игнорировали церковные каноны, сами выбирая покровителей для своих детей. Впрочем, старшие дети Николая имели обычные русские имена – Иван (родившийся от крестьянки), Сергей и Мария. Сергей, вероятно, получил имя в честь семейного героя Ильина-Чесменца или в честь прадеда, героя Бородинского сражения. Сергей остался в России и продолжил семейную традицию, став военным. Но вот со следующими детьми Николай взял инициативу в свои руки.

Его первый сын с Александрой, родившийся 9 (21) июля 1882 г. в Ташкенте, был назван Леандр. Это имя есть в русских святцах, но использовалось оно очень редко. Происходит оно от греческого имени Leandros и переводится как «человеко-лев». Вполне вероятно, что Николай, знавший греческий язык, хотел, чтобы его сын был настоящим мужчиной, сильным, как лев. Греческой миф рассказывает о Леандре, юноше с острова Абидос, на азиатской стороне Геллеспонта (Дарданелл). Он был влюблен в Геро, жрицу Афродиты, из Сеста, чей храм был на другой стороне пролива. Каждую ночь Леандр переплывал пролив, чтобы встретиться со своей возлюбленной. Путеводной звездой ему служил огонь, который Геро зажигала на верху башни. Однажды в бурную ночь огонь погас и Леандр утонул. Волны выбросили его тело у подножия башни, и Геро, в отчаянии, бросилась в море. Леандр Ильин вырос человеком сильным и мужественным. Но его сила была больше, чем физическая сила льва, – это была сила духа. А любить и бороться за свою любовь он умел не меньше, чем его тезка – древнегреческий юноша.

В детстве Леандра звали уменьшительными именами Лена, Ленка. Во время жизни в Южной Америке его имя приняло романскую форму – Леандро, под этим именем он был известен и в Австралии, хотя его потомки произносят это имя теперь как Лиэндрю.

Его имя сохраняется по традиции в семье. Это имя носит его племянник, сын Ромелия, живущий в Америке. Это имя носил и внук Леандро, сын Генри. К большому горю семьи, в 1977 г., в восемнадцать лет, он трагически погиб, утонув в Хрустальном Крике около Таунсвилла, повторив судьбу героя древнегреческого мифа. Но традиция на этом не оборвалась. Леан, сестра юного Леандро, рассказывает, что через девять лет после его гибели, в день его рождения, «божественный дар жизни» получил его племянник, сын Майкла. Новорожденного назвали Леандро в память о его погибшем дяде.¹⁴ Это имя подверглось еще одной трансформации, обретая женский вариант Леандра (внучка Генри).

Но вернемся на век назад в Россию. Следующего своего сына, родившегося около 1885 года, Николай назвал Картерий. Это тоже редкое обрусевшее имя, пришедшее в русский язык из Греции. По-гречески оно значит сильный, мужественный, терпеливый. И действительно мужество и смирение отличали этого мальчика на протяжении всей его недолгой жизни. С раннего возраста у Пуши, как звали его в семье, была тяжелая болезнь сердца, он бывал подолгу прикован к кровати. В «Дневнике толстовца» Николай рассказывает, как в споре из-за игрушки с младшим братом пятилетний Картерий, под влиянием притчи, рассказанной художником Николаем Ге, внезапно

уступил со словами: «Ну и Бог с тобою, возьми!» и «тихо отошел в сторону, заложив руки за спину, проникнутый чувством собственного достоинства». Он мужественно переносил свою болезнь и был наделен даром предвидения. «Как-то раз он сказал, что чувствует, что скоро умрет, и попросил посадить к нему в кровать маленького Ромелия. Наигравшись с ним, он сказал, что теперь готов умереть, и на кладбище он окажется в тринадцатом гробу. Именно так все и произошло, когда он вскоре умер», – вспоминает Нелли.¹⁵

Для младшего сына, родившегося 10 (22) июля 1886 года, Николай выбрал еще одно необычное имя – Ромелий. Оно имеет русскую форму, но его нет в святцах. Вполне вероятно, что Николай образовал его от латинского имени Ромул, которое носил легендарный основатель Рима. В детстве Ромелия звали Рома. В Южной Америке его имя приняло форму Ромелио. Австралийские родственники ныне произносят это имя как Омалли. Ромелий прожил долгую жизнь и, пожалуй, имя предрекло его судьбу: он с детства был связан с латиноамериканской культурой больше, чем другие члены семьи, и в конце-концов стал основателем испаноязычной династии в Гондурасе.

Имя второй дочери Николая, Ариадны, родившейся 22 мая (3 июня) 1890 г., происходит от греческого имени, означающего «очень нравится». Другое значение этого имени «верность в браке». Скорей всего Николай выбрал его под влиянием греческого мифа об Ариадне, которая была дочерью критского царя Миноса и внучкой бога солнца Гелиоса. Ариадна спасла своего возлюбленного Тесея, дав ему волшебный клубок. Разматывая «нить Ариадны», он прошел по подземному лабиринту во дворце ее отца на острове Крите и убил жившего там Минотавра. Однако он не женился на Ариадне, как обещал, а покинул ее, когда она спала. Мужем Ариадны стал Дионис, бог плодородия и виноделия. Венец, который Ариадна получила на свадьбу, был вознесен Дионисом на небо и стал созвездием. Ариадна Ильина, которую в семье называли Ара, как и героиня мифа, была женщиной с сильным характером и так же, как ее греческая тезка, испытала в любви и горе, и счастье. Две ее гондурасские внучки ныне носят это имя.

По семейному преданию, у Николая и Александры была еще одна дочь, которую они называли русским именем Вера. Она умерла в младенчестве, но и это имя сохранилось в семье – свою младшую дочь Леандро назвал Вера Аралуен, соединив русское имя с аборигенским, Верой назвал свою дочь и старший сын Леандро Ричард.

Имена Николая и Александры тоже живут в семье, их носят их потомки в Австралии, Гондурасе и США – трое имеют имя Николас или Николай и двенадцать – Александр (-ра) или Алехандро (-ра).¹⁶

Николай посеял имя, а дети и внуки его пожали судьбу, как бы подтверждая древнюю мудрость: «Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу»...

Петербургский узел

Дать детям необычные имена – это было только начало, главное было воспитать их в соответствии с убеждениями родителей. Эта задача встала перед Ильиными особенно остро теперь, когда они переехали с благодатного юга в мрачный и туманный Петербург. Николай писал в автобиографии: «В 1881 году, не поладив с одним из местных влиятельных лиц, я уехал из Ташкента и прибыл в Петербург с огромной семьей (я вторично женился в Ташкенте), не имея никаких средств, ни знакомых».¹⁷ Это был действительно редкий случай – в Среднюю Азию ехали за длинным рублем и, благодаря почти узаконенной коррупции, возвращались оттуда с состоянием. К этому времени его родовое поместье Ильинка было продано за долги родителей. Надписи на семейных фотографиях свидетельствуют о том, что в Петербурге семья Николая поселилась около 1884-85 года.

Чтобы прокормить семью, Николай начал писать для периодических изданий. Первой его работой стал «обличительный роман-хроника» «В новом краю», публиковавшийся в прогрессивном издании «Книжки “Недели”» – с ним мы уже познакомились. «В романе “Беглецы”... и повести “Нежданно-негаданно”... – писал Николай – я попытался дать ряд бытовых картин из хорошо мне знакомой жизни на окраине Российской империи, стремясь развенчивать устоявшиеся романтические стереотипы. Оба произведения были напечатаны в популярном журнале «Живописное обозрение».¹⁸ Исторический роман «Беглецы» описывает антирусское восстание в Коканде в 1875 г. во всей его сложности, не скрывая зверств, совершенных обеими сторонами. Тихон, главный герой романа, – человек необычной судьбы. Крепостной крестьянин, он взбунтовался, когда помещик забрал себе его невесту, и был сослан на каторгу в Сибирь. Оттуда он бежал и пробрался в Среднюю Азию, где попал к местному баю, у которого уже было несколько русских перебежчиков. Здесь Тихон принял ислам, но когда его отправили сражаться против русской армии, он предпочел вернуться к своим, несмотря на все унижения, которые он вынес в России. Эта тема глубокой духовной привязанности русского беглеца к своей родной земле стала пророческой для самого Николая – на протяжении тридцати лет, проведенных им на чужбине, он так и не найдет мира в своей душе и перед смертью завещает Ромелию вернуться на родину...

Повесть «Нежданно-негаданно» рассказывает о трагической судьбе молодого поляка на русской службе. Сохраняя верность своим польским корням, он, в то же время, жаждет стать «своим» среди русских. Здесь тоже звучат автобиографические мотивы, ведь Николай никогда не забывал о своей польской крови. Эта тема тоже станет пророческой, ведь годы спустя ассимиляция в чужой среде и раздвоенность этнического самосознания станут жгучими вопросами для его детей и внуков, которых жизнь разбросает по всему миру.

В Петербурге Николай попробовал себя и на юридическом поприще. Он обобщил свои наблюдения многочисленных нарушений законодательства в Туркестане в своих «Юридических заметках», опубликованных в «Судебной газете» в 1886 г., в которых он ратовал за реформу судопроизводства в Туркестанском крае. С 1886 г. он начал работать частным поверенным по судебным делам при Петербургском окружном суде и судебной палате, в основном занимаясь делами бедняков.¹⁹

Дом Ильиных на Николаевской (слева)

Но ни публикации Николая, ни его работа частного поверенного давали достаточных средств, чтобы прокормить их растущую семью, и Александра сделала то, что редко делали замужние женщины их круга: она открыла на дому мастерскую модного платья со школой кройки. Это, несмотря на непостоянство доходов Николая, позволило им вести дом на широкую ногу. К началу 1890-х годов они жили недалеко от Невского проспекта по адресу Николаевская улица (ныне ул.

Марата), дом 16, квартира 39. Это был большой пятиэтажный доходный дом для семей среднего достатка. Ильиные нанимали кухарку, горничную, няню, репетиторов для детей, Александра имела помощницу на курсах, а Николай – домашнего секретаря-письмоводителя. Летом они снимали пятикомнатную дачу в Сиверской, под Петербургом. Более того, для детей у них была английская гувернантка (по тем временам редкость даже в состоятельных семьях), а Леандро еще брал уроки игры на скрипке.

После переезда в Петербург Николай взял в семью двух своих старших сыновей – Ивана, незаконнорожденного сына крестьянки из Турков, и Сергея, сына от первого брака с Верой. Он надеялся, что все его сыновья будут со временем помещены в Морское училище на казенный счет, в знак признательности за боевые заслуги их предков. Эти ожидания не оправдались. Вместо этого юная Александра оказалась в положении мачехи двух подростков, Иван был всего на 13 лет моложе ее. Флора помнит рассказы о том, что это вызвало в семье Николая много трений, потому что пасынки ее невзлюбили. Александра не могла совладать с Иваном, который рос своевольным, а слуги его покрывали. В конце концов, пойманный на краже, в 1887 году Иван был отправлен в Санкт-Петербургскую земледельческую колонию для малолетних преступников. Сергей тоже стал источником волнений. Летом 1890 г. он тяжело заболел. «У нас случилось большое несчастье, у Сережи отнялись руки и ноги, лежит как пласт, без движения», писал Николай. Пройдет еще долгое время, прежде, чем он поправится.²⁰

Но какие бы проблемы не выпадали на долю родителей, дети чувствовали их любовь и были счастливы. В пасхальную ночь 1912 года, когда Леандро прикорнул в катере у побережья северной Австралии, куда он отправился в качестве ходока – исследовать, подойдет ли этот край для русской колонии, – ему приснился сон из той, детской, счастливой жизни:

«Около полуночи я вспомнил, что это пасхальная ночь. Луна все заливала своим сиянием. Море было спокойно и сверкало как зеркало или расплавленное серебро. Мои мысли улетели далеко-далеко. Я уснул и увидел сон. Я был маленьким мальчиком, в России. Моя сестра [Мария], братья и наши друзья собираются в церковь. Мама беспокоится, что мы простудимся, когда будем

возвращаться со службы, потому что еще холодно, лежит снег. Мы все бежим вниз по лестнице и спешим в церковь, чтобы занять места, пока еще не набился народ. ... Мы страшно шумим по дороге в церковь – каждый пытается сказать свое, все смеются, – но в церкви шуметь нельзя. Мы входим, сделав серьезные лица, но через несколько минут все нашли себе занятие. Мой брат Иван отправляется петь. Мальчики переговариваются с девочками. Один из моих братьев уверяет меня, что он может загипнотизировать любого человека, глядя ему в затылок, и тот под его внушением обернется. ... Но я слышу, как хор и священник поют «Христос воскрес!»... В церкви все приходит в движение. Все целуют друг друга. Священники выходят на улицу святить куличи. Перезвон колоколов и пушечный салют, возвещающий всем о великой радости воскресения Христова.

И тут я проснулся. Выстрелы, что я услышал во сне, были звуком взорвавшегося мотора, над которым причитал китаец. Я снова задремал. Мне приснилось, что я уже дома, в нашей большой столовой. На столе самовар, груды крашенных яиц, куличи и пасха... Отец и мать встречают нас у входа, и мы троекратно целуемся, обмениваемся яйцами. Когда доходит очередь до меня, родители дают мне фарфоровое яичко-лебедя и я опускаю его в миску с водой поплавать. После Великого поста мы сейчас будем есть всякие вкусные вещи, но тут приступ морской болезни снова вернул меня к действительности...»²¹

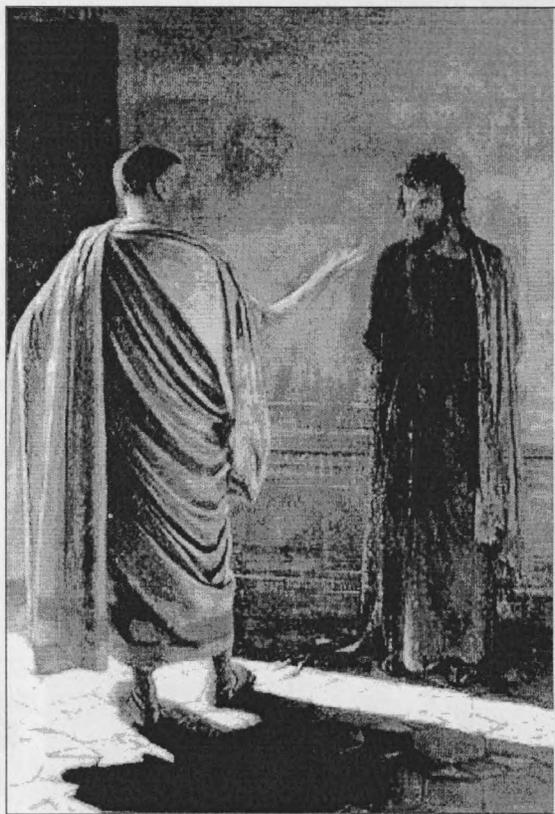
Семья Ильиных с родственниками в начале 1890-х гг. Слева направо в первом ряду: сестра Александры, Картерий (?), Александра, Леандр, Ромелий (?), сестра Александры; во втором ряду: муж сестры, Сергей (?), Ариадна (?), Мария, сестра Александры

***

Николай Ильин тех лет мог показаться отцом большой счастливой традиционной семьи, но это было далеко не так. В Туркестане его заключения, несмотря на всю их серьезность, переносились легче благодаря романтике колониальной жизни и их с Александрой любви. Но теперь, в Петербурге, все было по-другому. «Достоевский и бесноватый», говоря словами Ахматовой, Петербург все больше затягивал Николая в свою сеть. К 1890 г. вокруг него завязался тугий узел.

Этот петербургский узел на протяжении трех лет будет все туже и туже затягивать его, и эти годы, – самый темный и таинственный период его жизни, – определяют его судьбу на всю оставшуюся жизнь. Об этих годах есть разные и противоречивые свидетельства: книга Николая «Дневник толстовца», письма его и Александры, его стихи, семейные предания, сохранившиеся в памяти детей и внуков, и отзывы современников о Николае. Но все эти материалы все же не дают возможности сказать с уверенностью, «что есть истина». Символично, что начало этому периоду и положило знакомство Николая с картиной «Что есть истина?»

Эту картину Николая Ге (1831-1894) Николай и Александра увидели на выставке передвижников в феврале 1890 года. Потрясенный, со слезами, струящимися по щекам, Николай так надолго застыл перед полотном, что Александре силой пришлось увести его оттуда. На картине был изображен момент духовного противостояния Христа и Понтия Пилата, когда на страстные слова Христа «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего», Пилат ответил философским вопросом «Что есть истина?» и, не дожидаясь ответа, вышел объявить иудеям, что он не находит никакой вины за доставленным к нему проповедником (Иоанн 18:37-38). Пилат на картине Ге был не философом, а сатрапом-

эпикурейцем, который живет по законам здравого смысла. Христос же, его оппонент, олицетворял собой величие подвига во имя идеи. Это был удивительный Христос. В нем, казалось, не было ничего от традиционного образа Богочеловека – ни его торжествующей славы, ни его доброты, всепрощения и любви. Это была неприглядная фигура измученного, затравленного человека с изможденным лицом и слипшимися от пота волосами. Но это было отнюдь не реалистическое изображение страданий Христа. Главным в его лице были глаза, которые так поразили Николая. «Сквозь них из этого бессильного, тощего тела струилась такая нечеловеческая энергия, такое спокойное и непоколебимое сознание своей правоты и нравственной силы», – вспоминал он.²²

В эту ночь Николай написал Ге: «Если бы до сегодня я был язычником, то, посмотрев на него, я бы крестился». И действительно, в эту ночь Николай с женой перечитывали Евангелие, которое он не открывал с гимназических дней. Картину Ге, по царскому указу, вскоре сняли с выставки и запретили выставлять в России, но мысли о ней не покидали Николая, и в мае он неожиданно предложил художнику показать картину за границей, вызвавшись сам организовать выставки. Согласно «Дневнику толстовца», Николай принял это решение спонтанно, даже не посоветовавшись с

женой. Ге был тронут предложением неизвестного почитателя и посетил Ильных на даче в Сиверской. «Сегодня один из счастливейших дней моей жизни», писал Николай в дневнике о приезде Ге. Этот «высокий, седой старик в ветхой поярковой шляпе и поношенной пестрядинной рубахе на выпуск», последователь и друг Толстого, казалось, принес мир и покой измученной душе Николая. Он покорила всех членов его семьи, став для них «дедушкой».²³

Теперь ничто не могло заставить Николая отступить от своего плана, он был готов оставить Александру со всеми их семейными проблемами и новорожденной Ариадной на руках, хотя имевшихся денег должно было им хватить всего на два месяца. Николай не отказался от поездки и когда слег Сережа, а готовившееся решение о досрочном освобождении Ивана из колонии, чего Николай добивался уже несколько месяцев, было неожиданно отменено Аракиным, помощником министра юстиции. Николай знал, что это была месть. Но дело Ивана было лишь одной веревочкой в том запутанном петербургском узле, который Николай надеялся разрубить одним ударом, покинув Россию. Здесь все смешалось – углубляющийся конфликт с властями, финансовые проблемы и, согласно семейным преданиям Ильных, его участие в подпольной политической деятельности. Позже Николая обвинят в том, что он предпринял эту поездку с картиной для того, чтобы нажиться, но ситуация, несомненно, была гораздо сложнее. Это было выполнением заповеди Христа: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Марк 10:21). «Сокровищем на небесах» для Николая было бы освобождение от страстей. В глубине души он надеялся на братскую помощь ему и его семье со стороны его новых кумиров – Ге и Толстого – в обмен на его самопожертвование во имя их высоких идей.²⁴

Но не было ли у него еще одной причины для столь поспешного отъезда? «Дневник толстовца» начинается с описания состояния Николая в феврале 1890 г. – он был на грани нервного истощения, о причинах которого он говорит очень туманно. Даже звонок дверного колокольчика заставляет его «привскочить на стуле». Он напоминает человека, живущего в страхе ареста. Не отзвук ли это упомянутых выше событий, рассказанных Сэмом Маккаем, – случайного убийства Николаем преступника и последующей травли? В «Дневнике» Николай лишь намекает, что он «до опрометчивости горячился по одному делу» и обличил «крупные ягоды», которые попытались отомстить ему. Для него же это дело было «вопросом чести». Потом, буквально накануне отъезда с картиной за границу, «надо мной грянул гром...», – пишет Николай, – подкралось что-то и ужалило ... Честное имя опорочено, семья разорена».²⁵

Семейные предания Ильных говорят, что причина крылась в борьбе Николая за справедливость и в его подпольной политической деятельности. Впервые я услышала об этом от его потомков-аборигенов. Дерек и Дайнзи, внуки Флоры, рассказали мне: «Николай стоял за трудящихся, он говорил крестьянам об их земельных правах, власти его за это преследовали, и поэтому он вынужден был уехать из России». Рассказ Флоры вносит дополнительные детали: «Мой дедушка был кем-то вроде юриста. Он выступал против правительства, он всегда боролся за

обиженных, против несправедливости... Он говорил людям о том, какие они имеют права, о том, что им положено иметь – землю, образование и все такое... Он просвещал людей, он говорил им то, что власти от них скрывали».

Брат Флоры Дик рассказывал своим детям, что «Николай боролся за крепостных, а это было против властей и их законов». Они смутно помнят одно дело, в котором он выступал как адвокат: «Они не давали пенсию одному человеку, который на войне потерял ногу. Дед взялся за этот дело и добился, чтобы ему дали пенсию».

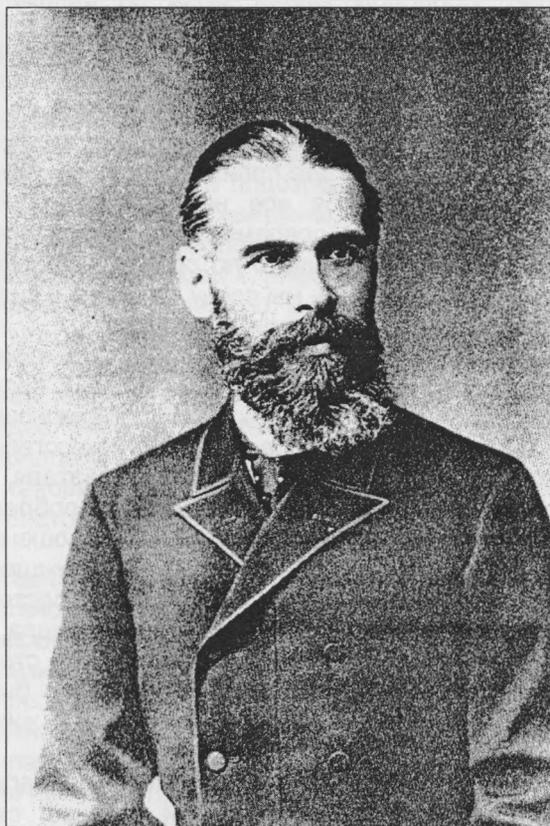
Сам Дик в радиointервью рассказал совсем другую историю. «Они уехали из России в 1876 году, это было до того, как там начали действовать коммунисты. Потому что мой дедушка был адвокатом и судьей и его послали в Америку, чтобы он выяснил, как живут американцы. Он и еще двое должны были вернуться в Россию, а потом обратить всех американцев в коммунизм. Но когда он вернулся [в Россию], ему этот план перестал нравиться».²⁶ История Дика с коммунистами имеет продолжение, но мы обратимся к ней немного позже. Интересно, что Нелли, американская внучка Николая, помнит сходную версию: «Моего дедушку послали в Америку как юриста (он был доктором правоведения), чтобы он посмотрел, как там работает демократия и подойдет ли она России. И вот, когда он вернулся, он сказал, что демократия – это именно то, что нужно России, не царизм или коммунизм, и за это его невзлюбили. Он писал статьи в газетах, которые тоже им не нравились. А он всего лишь защищал демократию».²⁷

И, наконец, версия Ромелио, который услышал эту историю от самого Николая:

«Мой отец был адвокатом в Петербурге, он предпочитал брать дела рабочих и других городских бедняков против администрации заводов и других работодателей. Он приобрел такой опыт в этой сфере, что на процессах он почти всегда выигрывал. Фабриканты были в ярости, и они пожаловались министру юстиции, требуя остановить его. Министр им ответил: “Господа, в данный момент я ничего не могу предпринять, поскольку Ильин действует в рамках закона. Но при первой же возможности, как только он сделает малейшее упущение, я заберу у него свидетельство и жестоко его накажу».

В интервью гондурасской газете Ромелио пошел еще дальше, называя отца «экстремистом-революционером», который, как адвокат, «защищал рабочих, которых обвиняли в подрывной деятельности».²⁸

Если же мы попытаемся восстановить события лета и осени 1890 г. на основе архивных

Александр Кузминский

документов, история предстанет в несколько ином свете. В августе по распоряжению министра юстиции у Ильина было отобрано свидетельство на право адвокатуры. Эта мера обычно применялась в случаях правонарушений, но Николай подозревал, что в его случае это произошло потому, что он везет запрещенную картину Ге для выставки за границей. Тем не менее 15 августа Николай все-таки отправился в Европу в сопровождении 8-летнего Леандра. В то время, как он организовывал первые выставки в Гамбурге и Берлине, его дела в Петербурге еще более запутались. Как оказалось, эта поездка с запрещенной картиной «только подлила масла в огонь, который загорелся раньше». Закулисной движущей силой стал могущественный судебный деятель Александр Кузминский, его смертный враг, жаждавший мести. Вполне вероятно, что Кузминский, ведомый, как полагал Николай, ущемленным самолюбием, счел Ильина виновным в своей неудаче – он потерпел поражение в деле против лица, давшего ложные показания, причем это лицо было клиентом Николая. Незадолго перед тем Николая уже лишали свидетельства – временно, на два месяца, из-за конфликта с другим поверенным, Герке, и сделано это было по рекомендации Кузминского. Сейчас, в последнем случае, Николай совершил «формальный промах», но Кузминский написал на него донос в министерство юстиции о том, что Николай человек «неблагонадежный», и потребовал отмены его свидетельства, что и было сделано.

Итак, по крайней мере в 1890 году, причиной конфликта Николая с властями был всего лишь его формальный промах и, может быть, еще его конфликтный характер, а не подпольная деятельность или разоблачение «крупных ягод».

Александра, узнав о случившемся, написала Николаю Ге, который жил в это время в Ясной Поляне с Толстыми. Лев Толстой тут же обратился за помощью к своей петербургской единомышленнице-просветительнице Александре Калмыковой: «Жена [Ильина] добивалась толку в министерстве и получала все худшие и худшие сведения: свидетельство отобрали, говорят, что не пустят его воротиться, а если он воротится, то его сошлют. Бедная женщина страшно напугана, сжигает письма и бумаги, ждет обыска и хочет ехать за границу; а у ней 4 детей. ... Помогите ей. У меня никого нет в П[етер]б[ур]ге, да вы есть, и лучше вас никто не поможет ей, не успокоит ее и не узнает в чем дело. Она хорошая трудовая женщина».²⁹

На протяжении октября и ноября 1890 г. в письмах и дневнике Толстого встречаются упоминания о том, как он и Ге пытались помочь Ильиным. Толстой даже обратился к Кузминскому, который, кстати, был его родственником, мужем его любимой свояченицы Тани. Получив его ответ, Толстой записал в дневнике: «От Куз[минского] жестокое письмо. И вчера я его понял, как он пойман и как он именно одинок и жалок. Пойман он тем, что его служба требуется женой. И когда зашел он далеко – что дальше, то холоднее, черствее, жесточе служба, и все дальше любовь людей, все больше страх и недоброжелательство, и отношений с людьми меньше и меньше, и утешение одно – сознание власти».³⁰

История с отобранным у Ильина свидетельством была только началом всех его злоключений этого года, вскоре на это наслоится новая беда – неудачи с выставкой картины Ге, что в конечном итоге приведет его к полному разрыву с Ге и Толстым.

Николай, Александра и граф Толстой

Попытки Льва Толстого поддержать Александру осенью 1890 года были не случайными. Ильины стали новообращенными толстовцами, прочитав в мае 1890 года его «Крейцерову сонату». Она в то время была еще запрещена и распространялась в самодельных копиях. Люди, получив на несколько дней экземпляр, собирались группами и читали ее вслух. Николай так отзывался об этом первом впечатлении: «Третий день я провожу на даче в обществе жены и еще двух дам – наших близких знакомых. Все это время ушло на чтение недавно ставшей известною "Крейцеровой сонаты" и на бесконечные дебаты и разговоры по поводу прочитанного. Наша будничная жизнь пошла вверх дном; забываешь вовремя есть и пить; просиживаешь ночи до рассвета. Странное дело – каждый из нас в отдельности знал все, что написано Толстым, а между тем прочтение этой вещи открывает вам как будто новые, доселе неизвестные истины; сдергивает завесу с картин, скрывавшихся по соседству с вами, но остававшихся до того невидимыми... Клянусь Богом, что навряд ли кто-либо переживал от прочитанной книги больше, чем мы пережили, прочитав это произведение. Да, нужно совершенствоваться; нужно переродиться; нужно стряхнуть с себя все наросты культурной фальши; соскоблить нечистое наслоение привычек и нравов современной цивилизации; очистившись, нужно обнажить в себе человека, действительно созданного по образу и подобию Божию. Какое счастье, что мы прозрели, пока дети наши малы; конечно, мы сразу не будем в силах переродиться... но детей наших мы сумеем сразу направить по чистому и прямому пути».³¹

Николай хорошо передает тот шок, который испытывали современники при первом чтении «Крейцеровой сонаты». Несомненно, что сила Толстого-художника и его обличительный пафос были столь велики, что он заставлял любого человека содрогнуться от того, как живут окружающие его люди, как живет он сам. И если прежняя критика Толстого (эссе «Исповедь», «Об искусстве» и другие) касалась, в общем-то, тем отвлеченных от повседневной жизни рядового обывателя, то теперь Толстой затронул те темы, которые касались жизни каждого человека – любовь и проблемы пола, супружество и дети, фальшь и потенциальная взрывоопасность семейных отношений, основанных на сексе, ревность и измена. Заурядная история семейной жизни Позднышева, сходство с которой мог заметить каждый в своем собственном быту, под пером Толстого, обнажившего всю фальшь внешнего благополучия современной семьи, неожиданно вышла за пределы обыденности и позволила читателю заглянуть на дно пропасти, над которой он стоит. Кульминация повести, когда Позднышев в припадке ревности убивает свою жену, была предостережением всем – ведь это преступление выросло из повседневной семейной жизни рядового человека.

Повесть не только раскрывала весь ужас такой жизни, но и, что самое главное, предлагала выход из него – сначала устами Позднышева, а потом и Толстого, который изложил свои рекомендации в послесловии к «Крейцеровой сонате»: не жениться, а если ты женат, жить в воздержании.

Впечатление, оказанное «Крейцеровой сонатой» на Ильиных, было усилено приездом толстовца Николая Ге к ним на дачу. Вскоре после его отъезда Николай пишет ему: «Саша усердно читает Л. Н. Толстого, постоянно в своих поступках приспосабливается к тому, как думает он, как поступили бы Вы в данном случае».³² Эволюция отношения Николая и Александры к «Крейцеровой сонате» и учению Толстого нашла отражение в «Дневнике толстовца» в форме их переписки и

размышлений Николая и даже привлекла внимание датского литературоведа.³³ Согласно «Дневнику», Александра увлеклась учением Толстого о воздержании, когда Николай уже находился с картиной Ге за границей. «Да, дорогой друг мой, – писала она мужу, – теперь только я сознаю всю мерзость нашей прошлой жизни; теперь, когда этот святой человек [Толстой] открыл нам новую непорочную жизнь. Как ясен и чист стал мой внутренний мир; как прямо могу я смотреть в глаза каждому, ничего не стыдясь, ничего не скрывая. А что было раньше? Гадость и гадость!... И тебя, дорогой друг мой, я люблю несколько ни меньше, чем прежде; разница лишь в том, что это любовь не порочная, как то было раньше, а чистая, святая... Ах, как мне гадко становится теперь, когда я только вспоминаю о том, как омерзительно мы прожили тринадцать лет».³⁴

В «Дневнике» Николай видит их прошлое совершенно иначе: «тринадцать почти идеально счастливых лет, проведенных вместе»; «в течение нашего тринадцатилетнего супружества мы, даже в пустяках, не посмотрели серьезно врозь». И в бунте жены, увлекшейся учением о девственности, он склонен винить Толстого. Идеи Толстого «задели меня лично, мое семейное счастье, и грозят разрушить его», – в отчаянии пишет Николай в дневнике после получения писем жены.³⁵ После этого он обрушивает весь свой публицистический темперамент на «Крейцерову сонату» и ее создателя. Poleмика его идет по трем направлениям: неправомерность учения о девственности, невозможность и даже пагубность применения учения Толстого по отношению к счастливым, честным, любящим супругам и, наконец, критика семейной жизни самого Толстого, провозгласившего, согласно Николаю, высокие идеалы, но не следующего им. Именно последнее вызвало многочисленные упреки критиков «Дневника».

Но почему же загорелся сыр-бор, что вызвало такой накал страстей у Николая? Почему они были так потрясены при первом чтении «Крейцеровой сонаты»? Была ли его жизнь с женой счастливой и гармоничной, как он утверждает в дневнике? «Дневник толстовца», как ни странно, не дает прямого ответа на эти вопросы. Разобраться в них нам помогут некоторые факты его биографии. Я не сторонница вторжения в интимную область жизни других людей, но поскольку Николай сам постоянно обсуждает эту тему в «Дневнике толстовца», то, думается, в данном случае мы имеем на это право.

Разгадка первоначального глубокого потрясения, произведенного на Николая «Крейцеровой сонатой», скорее всего кроется в его неудачных отношениях с женщинами до встречи с Александрой. Вырвавшись из «монашеской» жизни, устроенной ему матерью и теткой в Тамбове, Николай со всем жаром молодости окунулся в свободную жизнь студенческой молодежи Петербурга. Затем у него была добрая связь с крестьянской девушкой, от которой родился его старший сын Иван. И хотя общество терпимо относилось к таким связям, Николай всегда знал, что он поступил дурно, и Толстой, в своей повести, подтвердил, что совесть мучила его не зря. А затем была его случайная, скоропалительная женитьба на Верочке, их растущая отчужденность и его подозрения, что она неверна ему. А потом эта тягостная ночь, когда он внезапно вернулся домой, страшась, что его подозрения оправдаются... Откуда мог Толстой знать все это? И его бегство в Туркестан... Эти женщины, оставленные в далеком прошлом, не исчезали из его памяти, они продолжали преследовать его, о них напоминали их сыновья – Иван и Сергей. А потом эта внезапная любовь к 16-летней Саше, личность которой он вылепил своими руками – вылепил не просто возлюбленную, а беззаветно преданного друга. И теперь она смеет сказать, что и это все было ошибкой?

Каким же человеком была Александра? Прочитав о ее увлечении толстовским учением о девственности, Николай отзывается о ней не без раздражения: «Вечная идеалистка». Но в идеализме ли тут дело? Объясняет ли идеализм то, что молодая женщина, которой нет еще и тридцати лет, после «тринадцати почти идеально счастливых лет» супружества внезапно становится энтузиасткой девственного брака, решившись принять на себя весь максимализм толстовского учения?

Мне видится объяснение гораздо более жизненное. Посмотрим на эти тринадцать «идеально счастливых лет» ее глазами. В шестнадцать лет эта девочка с далекой туркестанской окраины становится женой столичного человека, хоть и не старого, но уже много испытавшего и, вполне вероятно, рассказавшего ей, как и Позднышев своей невесте, как и Левин Китти, о своей прежней жизни. Несомненно, это было глубоким потрясением для нее, и мысли об этом продолжали преследовать ее всю жизнь. Ее правнук, Сэм Маккай, вспоминает: «Николай, до того как он женился на Александре, был женат на женщине по имени Вера, которая любила носить красные платья... Из-за этой первой жены Николая Александра ненавидела красные платья, она их никогда не носила, чтобы Николай не вспоминал о своей прежней жене».³⁶

К этому добавилось пренебрежительное отношение свекрови, презирающей ее то ли за недостаточно благородное, то ли – еще хуже – метисное происхождение. Если и сто тридцать лет спустя ее потомки помнят об этом, то как же глубоко должна была пережить это все Александра. А потом началась жизнь с мужем, рождение одного за другим шестерых детей, и не в комфортных условиях помещичьей усадьбы, а на самом краю европейской цивилизации, в изнуряющем климате Средней Азии, в том числе рождение неизлечимо больного Картерия. Волнения из-за здоровья детей никогда ее не покидали – «У меня больна Ара уже 10 дней, дай Бог, чтобы осталась жива», пишет она в одном из писем Ге. На это налагалось еще положение мачехи в отношениях со

старшими детьми Николая.

Не могло ее не волновать и финансовое положение семьи, в частности служебный конфликт мужа в Туркестане, после которого в возрасте 30 лет он вышел в отставку, так и не поднявшись по служебной лестнице выше чина губернского секретаря. Затем их переезд в Петербург, где Николай попытался прожить, публикуя в «Книжках "Недели"» «обличительный роман-хронику "В новом краю"» – оригинальный заработок для начинающего литератора в царской России! Потом его работа на новом поприще, в качестве частного поверенного, и новые конфликты. И как можно предположить по семейным преданиям, его тяга к картам, его вечная надежда, что однажды ему где-то повезет, где-то далеко-далеко. «Помнишь, Саша – из года в год я поговаривал тебе – бросим Питер – уедем, бросим – уедем. Увлекла тебя твоя школа. А вот теперь были бы счастливы уехать, да пути нет», – лишь один отрывок из его писем во время злключения с выставкой картины. Несомненно, что открывая в Петербурге модную мастерскую, Александра руководствовалась не соображениями о благотворном влиянии трудовой жизни и не следовала благородным идеалам Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать», а преследовала цель гораздо более прозаическую – обеспечить для семьи хоть какой-то гарантированный источник дохода на случай очередного конфликта или неудачи мужа.

События 1890-1891 гг. стали последней каплей: лишение Николая лицензии, ее унижительные визиты к его начальству в надежде выяснить, в чем дело, опасения его ареста и высылки, в то время как он отправился за границу, оставив ее без денег. А оттуда идут его письма о новых неудачах, и их долг Ге доходит до трех тысяч рублей (огромной суммы по тем временам, но к этой истории мы еще вернемся). Николай же предлагает ей один проект за другим: продать ее мастерскую, уехать из России, открыть в Петербурге вегетарианский ресторан... В минуту отчаяния она излила свою душу Ге: «Коля невозможно меня терзает. Много мы жили и мало знали один другого. Но я должна все вынести для детей. Одно мне спасение – это ученья Льва Николаевича. Я действительно ими утешаюсь, а то бы не жила. Умереть гораздо легче, чем жить, но мои силы за последнее время порядком надорвались. ... Я не упаду. Теперь я поняла смысл жизни и буду жить для спасения детей, и что могу, то и для других».³⁷

Да, Толстой, казалось, один понимал ее, и из его книг пришел к ней простой совет – жить с мужем в воздержании, не зачинать больше детей и таким образом хоть частично уменьшить тяжелый груз ответственности за большую семью, причем сделать это не обижая мужа, а следуя идее, освященной авторитетом Толстого.

То, что Николай был так испуган внезапным увлечением жены, дает основание предположить, что он чувствовал за собой какую-то вину в своих отношениях с ней, хотя и твердил себе об «идеально счастливом» супружестве. Это наводит на мысль о том, что образ Саши в его творчестве – это своеобразная попытка «заговорить» те сложности, что накопились в его отношениях с женой, подсознательная надежда, что созданное в воображении и написанное на бумаге как бы станет реальным. Например, Саша в романе «В новом краю» смотрит на свою жизнь с Силиным без всякого страха. Она глубоко уважает его нравственные убеждения и уверена, что он, «человек способный и работы не боится; поэтому трудно думать, чтобы он не устроился где бы то ни было». На страницах «Дневника толстовца» Александра предстает человеком веселым, ласковым, уравновешенным, энергичным, наделенным «огромным здравым смыслом». В его поэзии она воодушевляет его, уставшего от борьбы за справедливость, на новые подвиги. В действительности же Александра была не совсем такой. Ее письма Ге этого периода создают образ простой, не очень образованной, страдающей женщины, с душой, открытой Богу, ищущей духовного наставника, которого она готова увидеть в Ге. У нее нет иллюзий относительно ее мужа. «Колю испортило воспитание, а задатки хорошего человека некому было пробудить, я не умела, да и не настолько хорошо развита, чтобы это сделать», исповедует она без ложного стыда перед Ге. Николай знал правду, и совесть мучила его особенно тяжело во время этой затянувшейся поездки. Его письма Ге и Саше полны отчаяния, временами он даже думал о самоубийстве.³⁸ И по странной логике пугающая правда «Крейцеровой сонаты» привела к тому, что Толстой, ее создатель, и стал объектом ожесточенной критики Николая.

Но, как видно, зря волновался Николай, пытаясь противопоставить бунту жены логику теоретических рассуждений о несостоятельности учения о девственности для обычных людей, для таких любящих пар, как они сами. В их жизни было нечто гораздо более сильное, чем все теории, – была любовь и душевное единство. Николай этого специально не декларирует, но присутствие этого мы постоянно встречаем на страницах «Дневника». Начинается он с описания радостного настроения, которое испытывают они, отправляясь вдвоем на выставку передвижников, где Николай был потрясен картиной Ге. «Вечер мы провели с женой в задушевной беседе с глазу на глаз; предметом ее был Христос, картина художника и Евангелие», – пишет Николай. Узнав некоторое время спустя о том, что картина снята с выставки, он пишет в дневнике: «Я не в состоянии был более оставаться один в городской квартире и с вечерним поездом уехал на станцию Сиверская, где моя семья уже с неделю находится на даче: по крайней мере поделюсь с женой впечатлениями». Таким же душевным единством наполнено и их обращение друг к другу: «родной», «дорогой друг мой», – обращается к мужу Александра; «друг мой», «дорогая моя голубка», – обращается он к ней в письмах, а в стихах говорит о ней сдержанно и сильно: «Друг

мой желанный – жена!».³⁹

Да, нет ничего загадочнее чувств женщины, и какими убедительными не казались бы нам тяготы, выпавшие на долго Александры, ставшей женой такого неординарного человека как Николай, это не мешало ей любить его и быть счастливой в этой любви. Ту большую любовь, что была на заре их жизни («Вспомни наши молодые годы», – обронил Николай в одном месте дневника о том времени), они пронесли через все испытания. И когда после девяти месяцев мытарств за границей, измученный, постаревший и потерпевший полное финансовое фиаско, Николай вернулся домой, он записал в дневнике трогательные слова: «Вот уже седьмой день, как я опять в своем тихом пристанище. Все меня по-прежнему любят, ласкают; даже кажется еще больше, если только это возможно».⁴⁰ А через год Николай будет вынужден бежать за границу, опять оставив Александру одну с детьми на пять долгих лет...

Что же до критики Толстого Николаем, то развивалась она по следующей логической цепочке. После увлечения Александрой учением о девственности, Николай пишет в дневнике: «Прежде, временами, я сомневался – имею ли я право требовать от Толстого, чтобы он строил свою жизнь по своему учению. Теперь для меня стало ясно, насколько это мое право и насколько мне оно принадлежит свято и неотъемлемо». Несколько месяцев спустя Николай подводит под свое убеждение теоретическую базу, доказывая, что поскольку Толстой претендует на роль пророка-проповедника, он должен жить согласно своей проповеди, и люди вправе интересоваться его жизнью. Николай обрушивает на читателя весь набор сведений, полученных из третьих рук, о «ханжестве» Толстого в личной жизни. Тут и слухи о том, что у Толстого двухлетний ребенок, а значит он сам не соблюдает своего учения о девственности, и рассказы о том, что Толстой ест на серебре, а работает физически только для моциона, и история передачи Толстым имени жене, и сожительство с ней, несмотря на разность убеждений.

Теперь и «Крейцера соната» начинает видеться Николаю резко негативно: «Позднышев своими словами, мыслями и делами похерил все то, что говорили, думали и делали другие герои Толстого». «А ведь какой богатый материал в Ясной Поляне! Проследить шаг за шагом духовно-патологическое перерождение бывшего творца Анны Карениной в теперешнего сочинителя Сонаты... исследовать его домашнюю жизнь; причины, не помешавшие ему дойти до огульного, с площадною бранью, отрицания возможности чистого семейного счастья; эту диковинную семейную группу... без общих интересов, с прямо противоположными идеалами, решительно исключаящими возможность искреннего взаимного уважения; эту расположенную вокруг них толпу разнокалиберных Тартюфов, притекающих не только со всех концов земли русской, но и из чужих стран, ломать комедию... Разобрать, осветить все это... Разве это не задача, достойная таланта автора "Войны и мира"? ... И разве не великое, благородное, самоотверженное дело совершил бы он, выполнив эту работу, обнаружив нам корни, на которых вырелась "Крейцера соната"». Совет, что и говорить, оригинальный... Но Николай идет еще дальше, называя Толстого задурившим «генералом от литературы», попросту разыгрывающим комедию.⁴¹

Такая манера полемики Николая создает впечатление, что писалось все это им в состоянии полной ослепления. Непростая жизненная ситуация, в которой оказался Толстой после произошедшего с ним нравственного перелома, примитивизирована Николаем до предела, и из нее выхолощено главное – сложнейшая личность писателя. В послесловии к «Крейцеровой сонате», на которое Николай многократно ссылается, Толстой со всей ясностью говорит, что предлагаемое им учение – это лишь идеал, к которому нужно стремиться, но который невозможно достичь. Толстой никогда не утверждал, что он претендует на роль проповедника-праведника, напротив, в своих произведениях он всегда предстает человеком со всеми его слабостями, которые он пытается преодолеть. Эта борьба длилась до конца его жизни и завершилась его уходом из дома незадолго до смерти в ноябре 1910 года...

Трагизм последних дней жизни Толстого всколыхнул всю Россию, весь мир, а Николай, поседевший и состарившийся, в эти самые дни в четвертый раз начинал жизнь с нуля, сколачивая хижину из горбыля на плато Атертон на севере Австралии и корчуя с сыновьями вековой тропический лес – под сад.

Дошли ли туда известия о смерти Толстого, покаялся ли Николай, что был неправ, обвиняя Толстого в фарисействе? Ведь оба они в итоге положили свои жизни на алтарь своих идей – но по-разному. И все же в одном Николай одержал нравственную победу: их с Александрой любовь победила позднышевщину и все теории Толстого о безбрачии и девственности. ■

(продолжение следует)

¹ Н.Д. Ильин. Послужной список 27.09.1882, - РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 21078 (благодарю архив и Станислава Думина за предоставленную информацию); Ильин, 'Автобиография', л. 2 – 2 об; Ильин, Песни земли, с. 22, 102.

² Ильин, В новом краю, т. 1, с. 2–3, т. 2, с. 155 и последующие.

³ Ильин, 'Автобиография', л. 3.

- ⁴ Ильин, В новом краю, т. 1, с. 256, 300–04, 356–57, т. 2, с. 36, 74–75, 85–86.
- ⁵ Ильин, Песни земли, с. 63.
- ⁶ Ильин, 'Автобиография', л. 2 об. – 3; Ильин, В новом краю, т. 2, с. 101, 129–35, 152–57.
- ⁷ Ильин, В новом краю, т. 2, с. 174, 194–97, 204; Mackay, 'Memoirs', p.1.
- ⁸ Под татаркой или монголкой они, вполне вероятно, имеют в виду какой-то местный сибирский народ, вполне возможно, что она происходила из бурят или якутов, живших в районе Иркутска, которые вступали в смешанные браки с русскими.
- ⁹ Ильин, В новом краю, т. 1, с. 27–38, 46–55, 80–81, 128–36, 287–90, 295, 352–67, т. 2, с. 55–64.
- ¹⁰ Ильин, В новом краю, т. 2, с. 86–88, 187–88, 196–97, 203–06, 221–26.
- ¹¹ Ильин, В новом краю, т. 2, с. 240–50.
- ¹² Mackay, 'Genealogical Tree', pp. 2–3; Н.Д. Ильин. Послужной список; Ильин, Песни земли, с. 72–74.
- ¹³ А.К. Ильина - Н.Н. Ге, 16.11.1890, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 17; Flores, 'Memoirs', p. 2.
- ¹⁴ Н.Д. Ильин – команде корабля «Лейтенант Ильин» 22.05.1894, РГА ВМФ, ф. 2, оп. 1, д. 7, л. 73 (Я благодарна Наталье Юденич за находку и копирование этого документа); Leanne Illin, [Family History], Архив автора.
- ¹⁵ Н.Д. Ильин, Дневник толстовца, СПб, 1892, с. 29–30; Flores, 'Memoirs', pp.3–4.
- ¹⁶ Mackay, 'Genealogical Tree' и мои интервью с членами семьи Ильиных в Австралии.
- ¹⁷ Ильин, 'Автобиография', л. 3; Ильин – команде корабля «Лейтенант Ильин».
- ¹⁸ Ильин, 'Автобиография', л. 3 – 3 об; Ильин, В новом краю. Роман-хроника. Из времен завоевания Туркестанского края. - Книжки «Недели», 1886, № 1–11; Н. Ильин, 'Беглецы. Роман из жизни на далеком Востоке'. - Живописное обозрение, приложение, 1888, № 10; Н. Ильин, 'Нежданно-негаданно'. - Живописное обозрение, 1889, № 25–27.
- ¹⁹ Н. Ильин, 'Юридические заметки'. - Судебная газета, 12 янв. 1886; Лукин, 'Ильин, Н.Д.', с. 413; Ильин, Песни земли, с. 4.
- ²⁰ Ильин – команде корабля «Лейтенант Ильин»; interview with Ernest and Maud Hoolihan, 29.09.1996; [Иван Герасимов Иванов], РГИА, ф. 1405, оп. 91, д. 3531 (Я благодарна Александру Массову за находку и копирование этого документа). Н.Д. Ильин - Н.Н. Ге, 28.06, 7.07.1890, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 16.
- ²¹ L. Illin, 'Report of the Northern Territory' [1912], NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 3, pp. 55–56.
- ²² Ильин, Дневник толстовца, с. 8–10.
- ²³ Ильин - Ге, 26.02, 20.04.1890, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 16; Ильин, Дневник толстовца, с. 16–18.
- ²⁴ Ильин, Дневник толстовца, с. 25, 42.
- ²⁵ Ильин, Дневник толстовца, с. 5–7, 37–38.
- ²⁶ Интервью с Derek and Dyznie Hoolihan, June 1995; Письма Flora Hoolihan автору, 16.08 и 14.09.1995; tape 3A369 - архив автора.
- ²⁷ Flores, 'Memoirs', p. 4.
- ²⁸ R. Illin, 'En la Frontera (En Guarda Raya) (Hecho por el relate de mi padre, sucedido en les años de la década de 1890)', Архив автора, p.1; Eduardo Villanueva, 'Un poeta ruso, ignorado, descansa para siempre en San Pedro Sula', *Tiempo—El diario de Honduras*, 13 October 1971.
- ²⁹ Ильин - Ге, 18.08.1890, октябрь 1890; Л.Н. Толстой - А.М. Калмыковой, 23 или 24.09.1890. - Толстой, Полное собрание сочинений, т. 65, с. 168–69.
- ³⁰ Замечания Толстого об Ильиных см.: Толстой, Полное собрание сочинений, т. 65, с. 168–69, 178, 183, 210; т. 51, с. 96, 98, 223.
- ³¹ Ильин, Дневник толстовца, с. 14–15.
- ³² Ильин - Ге, 9.07.1890.
- ³³ P.U. Møller, Postlude to the Kreutzer Sonata, Leiden, 1988, pp. 125-126.
- ³⁴ Ильин, Дневник толстовца, с. 60–61.
- ³⁵ Ильин, Дневник толстовца, с. 35, 41, 60.
- ³⁶ Mackay, 'Memoirs', p.1.
- ³⁷ А.К. Ильина - Н.Н. Ге, 13.01, 22.01.91, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 17; Н. Д. Ильин - А. К. Ильиной, октябрь 1890, 21.11.1890, 23.01.1891, РГАЛИ, ф. 731, оп. 1, д. 62. (Я благодарна Заяре Веселой за копирование этих материалов).
- ³⁸ Ильин, В новом краю. Отдельное издание. Ташкент, 1913, т. 1-2; т. 2, с. 223–26; Ильин, Дневник толстовца, с. 7, 41, 42, 75; Ильина - Ге, 16.11.1890; Стасов, Николай Николаевич Ге, с. 333.
- ³⁹ Ильин, Дневник толстовца, с. 5, 11, 14, 130.
- ⁴⁰ Ильин, Дневник толстовца, с. 280.
- ⁴¹ Ильин, Дневник толстовца, с. 51–52, 194–203, 253–59. ♦